

На правах рукописи

Амбарцумян Каринэ Размиковна

Большой Кавказ во внешней политике России (1914 – 1922 гг.)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание

ученой степени доктора исторических наук

Ставрополь – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Научный консультант:

доктор исторических наук,
профессор **Булыгина Тамара Александровна**

Официальные оппоненты:

Кажаров Артур Гусманович

доктор исторических наук, доцент,
и.о. директора ГБУ ДПО «Центр
непрерывного повышения
профессионального мастерства
педагогических работников»

Аверьянов Антон Викторович

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой отечественной
истории XX – XXI веков ФГАОУ ВО
«Южный федеральный университет»

Яхутль Юрий Асланбиевич

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Российский
государственный гуманитарный
университет»

Защита состоится 19 декабря 2025 г. в 10.00 на заседании диссертационного совета 24.2.398.04 при ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, корп. 20, ауд. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке СКФУ по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1 и на сайте: <https://ncfu.ru/upload/medialibrary/9cb/1dhuki13584vll519zc9wsk5y6fu09lu/Ambartsumyan-K.-dis-.pdf>

С авторефератом можно ознакомиться на сайте СКФУ по адресу: <https://ncfu.ru/nauka/dissertatsionnye-sovety/obyavleniya-o-zashchite-dissertatsiy/32517/>

Автореферат разослан «____» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, доцент

Т.А. Колосовская

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования определяется тенденциями в развитии исторической науки, которые влияют на изучение истории Кавказа и российской политики в регионе и предлагают возможность нового взгляда на привычные темы. Кавказская история до сих пор остается одной из самых чувствительных в связи с множеством нерешенных этнополитических и территориальных проблем, имеющих предпосылки в историческом прошлом. Для профессиональных историков не утрачивает насущности проблема конструирования комплексного исторического знания о российской политике в отношении Кавказа с учетом ее положительных и отрицательных проявлений, остается потребность в научной рефлексии по поводу ее промахов и успехов.

Историческая наука представлена целым рядом направлений, предлагающих изучение прошлого в многообразии проявлений человеческой жизни: новая историческая биографика, новая интеллектуальная история, новая социальная история, новая политическая история, новая имперская история, новая локальная история и т.д. При разработке отдельных сюжетов в данном исследовании мы обращались к ним. Так, подходы новой имперской истории дают возможность изучить процесс политической трансформации позднеимперского и постимперского пространства Кавказа в связи с влиянием контекста внешней политики России и изменением системы международных отношений. Тема Большого Кавказа как единого макрорегиона, включающего в себя множество этнорелигиозных групп, актуализируется еще и новой локальной историей, модель которой предлагает путь исследования истории отдельных сообществ, в том числе и кавказских, когда не утрачивается уникальность, но при этом они не вырываются из контекстов истории региона и страны. Заметный вклад в разработку новой локальной истории и имплементацию ее методологии к кавказской истории внес НОЦ «Новая локальная история», открытый С.И. Маловичко и Т.А. Булыгиной на базе

историко-архивного института РГГУ и исторического факультета Ставропольского государственного университета в 2002 г.

Дискуссионность темы связана с апелляцией российской и отдельных национальных историографий к прошлому Большого Кавказа и обилием полярных оценок относительно Первой мировой войны, революции 1917 г., периода независимости кавказских республик и процесса советизации. Например, в мемориальной политике наблюдается идеализация периода независимости в 1918 – 1921 гг., что подтверждается многообразными практиками коммеморации этого короткого исторического отрезка в современных Армении, Азербайджане и Грузии.

Современное состояние мировой политики связано с усилением геополитического соперничества за влияние на Южный Кавказ, что затрагивает интересы РФ, имеющей в своем состав Северный Кавказ и ощущающей непосредственно влияние новой конфигурации международных отношений. Для кавказского макрорегиона такие периоды обострения отношений между державами сопровождаются испытаниями на политическую устойчивость. Исследование турбулентного периода 1914 – 1922 гг., когда происходило переформатирование системы международных отношений, дает возможность сделать некоторые выводы и применительно к современности.

Объектом данного исследования является внешняя политика России и ее пространственное измерение в периоды исторических трансформаций с 1914 по 1922 гг.

Предметом исследования является эволюция кавказского вектора внешней политики России, внутривнутриполитические и международные особенности, определявшие положение региона в связи с формированием нового международного порядка, а также процесс поддержания, попытки сохранения, а затем нового установления российской власти на Северном и Южном Кавказе, что синхронизировалось с распадом имперского пространства, фрагментацией Большого Кавказа как постимперской

территории и вхождением в новом качестве в состав советской государственности.

Степень научной разработанности темы подробно представлена во втором параграфе первой главы диссертации. Всю проанализированную литературу по проблемному принципу мы разделили на: историографию истории дореволюционного Кавказа во внешней политике России; литературу о Кавказе периода Первой мировой войны; работы о постреволюционном этапе истории Кавказа в международных отношениях России. В рамках каждого из блоков соответственно мы выделили советскую и современную литературу. Отдельную группу сформировала зарубежная литература.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что одним из уникальных регионов России был Большой Кавказ, который снизил свое значение в международных отношениях только после того, как вошел целиком в состав советского государства, но уже в новом статусе с новыми внешними и внутренними границами. Исследование показало, что на Северном и Южном Кавказе, внешнеполитическое измерение зависело не только от международного контекста, действий интервентов, политики самих кавказских правительств и региональной специфики, но и от внутренней 3 в самой России.

Целью данного диссертационного исследования является изучение процесса трансформации кавказского вектора внешней политики России с учетом факторов регионального, внутривнутриполитического и международного значения. Кроме того, реализация цели работы подразумевает исследование политического процесса в пределах Большого Кавказа в связи с прохождением российской государственностью ряда военных и политических кризисов.

Цель определила и исследовательские **задачи**:

- сформировать теоретическую базу исследования и выявить методологический инструментарий, способствующий максимально полному раскрытию темы;

- исследовать историографические тенденции с 1920-х гг. по настоящее время, таким образом определить лакуны и свободные ниши в исторической науке в связи с изучаемой проблемой;

- проанализировать внешнеполитическое и внешнеэкономическое измерения Большого Кавказа накануне Первой мировой войны, в том числе в контексте основных направлений и динамики российско-турецких отношений;

- исследовать политический эффект событий Первой мировой войны, а также выявить особенности влияния экстремальной международной ситуации и военной обстановки на кавказский регион в позднеимперский период;

- проследить институциональные, имагологические трансформации и начало политической фрагментации в регионе Большого Кавказа в связи с революцией 1917 г. с учетом как факторов их определявших, так и их последствий;

- исследовать механизмы политического развития Северного и Южного Кавказа в 1917 – 1922 гг. в условиях усиления фрагментации постимперского пространства и в контексте изменения характера российско-турецких отношений;

- исследовать кавказский вектор внешней политики большевиков в связи с новыми явлениями в развитии российско-персидских отношений в 1918 – 1922 гг.;

- выявить военно-политические мотивы немецкой интервенции на Южном Кавказе и политику советской власти в связи с германским военным присутствием в регионе;

- рассмотреть английскую военную интервенцию на Большом Кавказе с позиции ее мотивов и реальных результатов, а также сравнить и определить особенности применительно к Северной и Южной частям региона;

- выявить особенности внешней политики командования Добровольческой армии в связи с кавказской повесткой и попытками преодоления фрагментации постимперского пространства;

- проследить ход установления советской власти на Северном и Южном Кавказе и соотнести главные события в этом процессе с внешней политикой Советской России и международной ситуацией вокруг региона, таким образом определить основные причинно-следственные связи между внешнеполитическими действиями большевиков, международной ситуацией и особенностями советизации разных частей Большого Кавказа.

Хронологические рамки – нижняя граница – 1914 г., т.е. начало Первой мировой войны и открытие Кавказского фронта, изменившие международную ситуацию вокруг Большого Кавказа. Верхняя граница определяется изменением внутри- и внешнеполитической обстановки по причине создания СССР в 1922 г. Данное событие привело к окончательному вхождению Южного Кавказа в состав советской государственности в виде ЗСФСР. Для формирования комплексного представления об изучаемой проблеме было необходимо обращение к более раннему этапу кавказской истории, т.е. до 1914 г.

Территориальные рамки исследования включают Северный Кавказ и Южный Кавказ (Закавказье). В 1905 г. российская власть возродила институт Кавказского наместничества, которое охватывало следующие территории: Бакинская, Елисаветпольская, Кутаисская, Тифлисская, Черноморская, Эриванская губернии, Батумская, Дагестанская, Карсская, Кубанская, Терская области, Закатальский и Сухумский округа. В 1916 г. территория была расширена за счет «Турецкой Армении и других областей Турции, занятых по праву войны», утраченной в 1917 г. после принятия декрета СНК «О Турецкой Армении». Пространственные границы работы формируют категории **«Большой Кавказ»**, **«Северный Кавказ»** и **«Южный Кавказ»**. Дефиниция «Большой Кавказ» заимствована из политологии в рамках междисциплинарного подхода и предполагает сохранение геополитической и культурно-исторической общности при утраченном политическом единстве. Данное свойство определяло существование региона большую часть изучаемого периода. Северный Кавказ в современном понимании включает

Ставрополье, но акцент на внешнеполитическом измерении исследования обусловил его исключение из территориальных границ. Категория «Южный Кавказ», на наш взгляд помогает сохранить некую нейтральность в отношении изучаемого предмета. Термин «Закавказье» предполагает взгляд только из России и статус объекта внутренней политики, что не соответствует теме исследования.

Методология и методы исследования. Теоретические и методологические основания диссертационного исследования подробно представлены в первом параграфе первой главы. Теоретический фундамент был сформирован из триады принципов – историзма, объективизма и холизма. Главным подходом для данной работы стала междисциплинарность. При приоритете методов исторического исследования, в том числе таких как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-диахронный и историко-биографический, были востребованы методы из смежных дисциплин: имагологии, политологии и теории международных отношений.

Источниковая база исследования. Подробный анализ источниковой базы диссертации представлен в третьем параграфе первой главы. Руководствуясь видовой классификацией источников и спецификой изучаемой проблемы, мы разделили источники на отдельные группы: законодательные документы, делопроизводственные документы, актовые источники, периодика, публицистика, источники личного происхождения. Активно используемые дипломатические источники входят в группы как делопроизводственных, так и актовых документов.

Научная новизна работы. В диссертации исследована группа проблем, которая в литературе ранее не получила комплексного освещения.

1. Одним из аспектов новизны является понимание двойственности существования Большого Кавказа в системе международных отношений России. С одной стороны, макрорегиона как объекта влияния держав, с другой – в кризисные периоды истории, начиная с момента краха империи и монархии

в России, отдельные части Большого Кавказа действовали как акторы международных отношений.

2. Впервые внешнеполитическое измерение Большого Кавказа исследовано в составе империи, затем в состоянии постимперского пространства и в процессе включения в состав советского государства.

3. Исследование расширяет научные представления о внешнеполитическом измерении Большого Кавказа в 1914 – 1922 гг. В той или иной степени, отдельные аспекты проблемы в исторических исследованиях затрагивались, однако историографическая ситуация характеризуется фрагментарностью освещения, так как представлены преимущественно истории отдельных республик, Северного или Южного Кавказа (Закавказья).

4. Хронологические рамки позволили увидеть регион Большого Кавказа в контексте внешней политики разной России: имперской и большевистской, Временного правительства, белого движения. Таким образом удалось выявить цикличность и одновременность политической трансформации России, кавказского региона и международного контекста, начиная от начала Первой мировой войны и заканчивая созданием СССР.

5. Новым является сравнение внешнеполитического измерения имперской окраины, постимперской и советизируемой территории за счет пространственно-временных рамок диссертации, которые структурируют исторический процесс и формируют исследовательскую оптику, через которые Большой Кавказ и отдельные его фрагменты в изучаемый нами период сформировали различные хронотопы.

6. Политические процессы на Кавказе после 1917 г. рассмотрены с учетом имагологических изменений. В диссертации показано, как вместе со структурами и принципами управления регионом менялось мировоззрение и самоидентификация политических элит на Северном и Южном Кавказе.

7. Обновлен взгляд на внешнюю политику командования Добровольческой армии и ее лидера А.И. Деникина, т.к. политическая активность белого движения представлена в международном контексте в двух

взаимосвязанных аспектах: отношения с союзниками, в большей степени с британской военной миссией и отношения с кавказскими республиками. Кавказский вопрос помещен в контекст внешней политики, определяемой доминантой во взглядах А.И. Деникина о единой и неделимой России. Впервые изучен внешнеполитический аспект политики командования Добровольческой армии, имевшей конечной целью дефрагментацию постимперского Кавказа и сохранение его в составе России.

8. Германская и турецкая интервенции в 1918 г. на Кавказе, в отличие от сложившейся еще в советской историографии традиции их изучения, в диссертации представлены с новой расстановкой участников исторического процесса. Новизна в данном случае определяется наложением и соединением активности всех названных субъектов с политической трансформацией Большого Кавказа, которую он пережил в 1918 г.

9. В работе расширены представления об установлении советской власти на Северном и Южном Кавказе. Международная ситуация и внешняя политика кавказских республик и советской власти представлены как факторы, определявшие цели, ход и локальные особенности советизации Большого Кавказа. Подтверждено положение о том, что несмотря на декларируемые дружественные советско-турецкие отношения, на Кавказе Россия и Турция остались геополитическими соперниками, что также мотивировало большевиков взять регион под свой контроль как можно скорее.

Положения, выносимые на защиту.

1. Определение пространственных рамок территорией Большого Кавказа дало возможность увидеть макрорегион в его геополитическом единстве. Внутренние границы и этноконфессиональное многообразие влияли и даже определяли политический процесс в изучаемый период. Эта вариативность этносов, проживавших сперва на имперской, затем постимперской территории, стала частью международных отношений после 1917 г.

2. Включение Северного и Южного Кавказа в состав Российской империи ко второй половине XIX в. изменило статус этих территорий, снизило градус геополитического соперничества держав и сформировало новый кавказский вектор внешней российской политики. В международном измерении кавказской жизни на рубеже XIX – XX вв. большое значение имел внешнеэкономический аспект. В вопросе иностранного присутствия на Кавказе российским властям приходилось балансировать между поддержанием безопасности и необходимостью экономического развития.

В российско-турецких отношениях Кавказ был зоной политического взаимодействия через миграции северокавказских и закавказских мусульман, а также поток армянских беженцев из Османской империи. Порты пытались воздействовать на кавказских мусульман через панисламистскую пропаганду. На основании разнообразных источников выявлено, как обстановка на Кавказе демонстрировала рост напряженности в отношениях между двумя империями, в то время как на уровне столиц власти пытались избежать войны.

3. Согласно теории русского ориентализма Д. Схиммельпеннинка, Большой Кавказ воспринимался Россией амбивалентно: как «внутренний Восток», как Другой, и одновременно как часть своего «Я», как часть исторического, политического, социокультурного пространства империи. Регион сформировался как геополитический и исторический в пределах Российской империи. Власть придавала ему определенную административную конфигурацию, а также способствовала конструированию уникальной кавказской идентичности, которая без внешней медиации России не работала. Это показал опыт Первой мировой войны. Попытки немцев создать антироссийский кавказский фронт разбились о межэтнические расхождения, которые Россия на Кавказе решала часто силовыми методами, а также о разногласия между кавказскими эмигрантами и кавказцами, живущими на родине. Турция не годилась на роль арбитра, в том числе по причине внутреннего кризиса и состояния политического распада. Россия справлялась с удержанием кавказского общества от фрагментации. До краха монархии и ее

институтов детонации национального, религиозного, земельного и ряда других острых проблем, несмотря на внешнее воздействие, не произошло. Однако в условиях экстремальности военного времени этническое и религиозное стало проявляться сильнее имперского, отсюда и отдельные дружины и полки: армянская дружина, татарский полк, «дикая дивизия» и т.д.

4. Кавказ в Первую мировую войну стал ареной противостояния через панисламистскую пропаганду Турции, через попытки немецко-турецкого блока поднять восстание грузин и мусульманского населения на Кавказе. Для младотурецкого режима Кавказ был средством выживания после утраты европейских владений накануне войны. Для немецкого командования Кавказ был средством отвлечения ресурсов России от фронта на западе, при этом предпринимались попытки оторвать Кавказ от России, чтобы прорваться в Туркестан и открыть безопасный путь в Британскую Индию. Для России Первая мировая война стала продолжением борьбы за регион.

5. Германия и Османская империя активно использовали национальный вопрос как фактор подрыва российского влияния на Кавказе. Подорвать кавказский тыл не удалось. Во-первых, Османская империя была не в лучшей форме и зависела от Германии, что сказалось на ее привлекательности для кавказских народов. Во-вторых, в положительном смысле психологически влияли военные победы России на Кавказском фронте. В-третьих, несмотря на все противоречия интеграционной политики империи, России удалось сформировать социальную базу этой интеграции.

6. В связи с занятием части турецкой территории в ходе военных действий было создано генерал-губернаторство Турецкой Армении и других областей Турции, занятых по праву войны. Однако снятия остроты армянского вопроса на Кавказе не последовало. Разрабатывались проекты заселения занятых территорий казаками и русскими переселенцами. В то же время, власть опасалась создания условий для объединенной Армении и перспективе получить вторую польскую проблему.

7. Февраль 1917 г. изменил конструкцию управления Большим Кавказом, который мы с этого момента определяем как постимперское пространство, обладающее следующими особенностями. *Во-первых*, сильное инерционное влияние опыта совместного проживания народов в составе имперской окраины. Однако без сильной руки монархии ее эффективность снижалась, и мы наблюдаем усиливающуюся фрагментацию постимперского Кавказа уже в 1917 г., несмотря на действие определенной институциональной памяти. Временное правительство не смогло предложить эффективной альтернативы Наместничеству. В Тифлисе был создан Особый Закавказский Комитет, но установить контроль над территорией Южного и Северного Кавказа он не смог и орган стал заложником нарастающих межэтнических противоречий. На Северном Кавказе, местные элиты формировали собственные институции. Особое значение имели две структуры, которые в 1918 г. приобрели международное измерение. Это Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана и Кубанское правительство. *Во-вторых*, постимперский Кавказ оказался полем международного соперничества, что было связано не только с войной, но и вообще с трансформацией системы международных отношений. Венская система, в период которой Россия завоевывала и включала Северный и Южный Кавказ в свой состав, уходила в прошлое. Новая система нарождалась в остром конфликте, в том числе за территории и сферы влияния. *В-третьих*, постимперское пространство, оформившись в составе Российской империи, после ее распада обрело больше возможностей действовать как актор международных отношений. *В-четвертых*, в международной повестке Большой Кавказ мыслился как часть бывшей Российской империи с неясным статусом, Северный Кавказ в меньшей степени ментально отделялся от России, Южный Кавказ – в большей.

8. Возникавшие проекты политического будущего Большого Кавказа в 1917 г. предполагали поддержку Временному правительству и существование в составе России на правах автономии или федерации. Что касается вопроса идентичности, то в условиях политического кризиса и войны на Южном

Кавказе на первый план выдвинулась этническая принадлежность, отодвигая общекавказскую и общегосударственную (имперскую) идентичность на обочину интересов. На Северном Кавказе шли поиски платформы для консолидации, были попытки опереться на религию, на идентичность горцев и кавказцев, в то же время на Кубани изначально были сильны казачьи традиции как в управлении, так и в самоидентификации. В силу большой вариативности северокавказских этносов и укладов сделать это было сложно.

9. Уход Кавказской армии из региона сформировал новый международный контекст Большого Кавказа. Разгон же Учредительного собрания определил новую внутривластную ситуацию, в которой самоопределение народов стало не лозунгом, а практической необходимостью. На Северном и Южном Кавказе образовался вакуум российской власти, который поспешила заполнить Турция, в той или иной степени контролируемая и сдерживаемая Германией. Турецкий фактор разрушил кавказскую солидарность, которая была инерционной после краха монархии в России.

10. На Большом Кавказе советское руководство смогло закрепиться только в Баку в силу того, что это был промышленный центр, и там была его социальная опора – рабочие. Единственный инструмент, который действовал в кавказской политике у большевиков в 1918 г. – это дипломатия. Через германского посла Мирбаха Наркомат иностранных дел стремился воздействовать на Турцию, активно оккупировавшую Кавказ. Советская власть, несмотря на декларируемое право народов на самоопределение, не признала демократические кавказские республики, объяснив это тем, что местное население не поддерживало их режимы и самостоятельность им была навязана.

11. Английское военное присутствие на Большом Кавказе имело свои особенности. *Во-первых*, Северный Кавказ в их геополитике имел меньшее значение, чем Южный, *во-вторых*, в Лондоне весь Кавказ рассматривался как часть более обширной ближневосточной геополитики, исходя из которой

внутренние трудности и межэтнические конфликты были второстепенны как для Великобритании, так и для мирной конференции в Париже. *В-третьих*, оккупацию Кавказа британские политические круги рассматривали как временное явление и рассчитывали на то, что их сменят итальянские контингенты или Армению возьмут под мандат США, чего не случилось.

12. Внешняя политика командования Добровольческой армии была отягощена внутренним состоянием антибольшевистского лагеря, сложными отношениями с кавказскими государственными образованиями и непоследовательной политикой держав. На парижской мирной конференции от имени разобщенного белого движения пыталась говорить Русская политическая делегация, для которой кавказский вопрос было второстепенным, т.к. Кавказ мыслился неотъемлемой частью России. Политика на месте, осуществляемая под руководством А.И. Деникина, в отношении каждой из кавказских государственных образований была индивидуальной: возможность существования независимых Горской и Кубанской республик отрицалась категорически, но с закавказскими республиками белым приходилось мириться из-за позиции Великобритании, которая видела в них основу для создания антибольшевистского фронта. В своей кавказской политике как белые лидеры, так и англичане заняли выжидательную позицию и действовали ситуативно, не имея стратегии и не предпринимая решительных шагов по признанию независимости Большого Кавказа, не форсируя восстановление власти России на Южном Кавказе.

13. На всем протяжении исследуемого периода развитие российско-турецких отношений можно представить в виде отдельных этапов: от скрытого соперничества до Первой мировой войны, затем с 1914 по 1918 г. конфликт, с конца 1918 – по апрель 1920 г. фаза отсутствия отношений, с 1920 по 1922 гг. наблюдалось сотрудничество и снова скрытое соперничество за Кавказ.

14. После поражения Добровольческой армии и победы большевиков на Северном Кавказе встал вопрос о дальнейшем продвижении советской власти

в регионе. Для проведения политики советизации на Кавказе в апреле 1920 г. было сформировано Кавказское бюро ЦК РКП(Б). Советизация Южного Кавказа сравнима с цепной реакцией, когда один шаг запускал следующий. Темпы и скорость установления советской власти в Азербайджане, Армении и Грузии определялись внешнеполитическими намерениями России. Так, форсированная советизация Грузии могла помешать торговым переговорам советского руководства с Лондоном. Советизация Армении осенью 1920 г. тоже подстраивалась под достижение англо-советского торгового соглашения и стала частью советско-турецкого соперничества, т.к. захват Армении Турцией мог существенно ослабить позиции большевиков на Кавказе. Отложенная весной 1920 г. советизация Грузии случилась в феврале 1921 г. В это время возникла угроза передачи Батума, который имел путь на Баку, англичанам. Кроме того, в январе 1921 г. Грузия получила международное признание де-юре. Вместе с тем, Европа уже не могла оказывать меньшевистской Грузии военную помощь.

15. В 1922 г. советско-турецкие отношения вышли за пределы кавказско-турецкой повестки, так как в 1921 г. были подписаны Московский и Карский договоры. На международной арене РСФСР уже говорила от имени республик. В августе 1922 г. внутренние границы стали свободными, а внешние границы республик оставались только с Турцией и Персией. Вхождение в 1922 г. ЗСФСР в состав СССР прошло довольно безболезненно и на внешнем периметре советского государства сопротивления этому процессу оказано не было.

Практическая значимость диссертации. Результаты данного исследования могут быть применены для дальнейшего изучения истории Кавказа и анализа современной политики России. Материалы диссертации могут быть полезны при написании учебных пособий и преподавании исторических дисциплин в высшей школе.

Выводы, сделанные в диссертации, могут быть востребованы аналитическими центрами, которые занимаются современными

международными отношениями на Кавказе, исследуют политические процессы на Северном и Южном Кавказе и составляют определенные рекомендации для органов власти разного уровня.

Теоретическая значимость диссертации. Предложен новый взгляд на региональное измерение внешней политики России в начале XX в. Получила развитие концепция новой локальной истории в связи с использованием категории «Большой Кавказ», подразумевающая изучение в исторической ретроспективе единого макрорегиона с учетом внутреннего многообразия локальных сообществ. История внешней политики России на Большом Кавказе исследована с учетом имагологических характеристик. Выявлены особенности развития макрорегиона как постимперского пространства.

Соответствие диссертационного исследования паспорту специальности. Диссертация выполнена по научной специальности 5.6.1. «Отечественная история». В соответствии с паспортом данной специальности содержание диссертации соотносится с несколькими направлениями исследования: п.4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п.5. История международного положения и внешней политики страны на различных этапах ее развития; п.9. История общественной мысли. Интеллектуальная история. Историческая имагология. История образования и образовательных институтов; п.16. История российских революций; п.23. Россия в крупнейших международных конфликтах; п.27. Геополитические аспекты истории.

Апробация результатов исследования, выносимых на защиту положений проводилась автором в форме публикаций в научных изданиях, докладов и сообщений на международных, всероссийских, региональных и вузовских научных конференциях. По теме диссертации опубликовано 65 научных работы, в том числе 25 – в рецензируемых научных изданиях из Перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание

ученой степени доктора наук, в т.ч. из них в международных базах Scopus и Web of Science – 14, а также 1 монография, кроме того автор принимал участие в 2 коллективных монографиях, связанных с темой диссертации. Общий объем публикаций по теме исследования составляет более 100 п.л. Текст диссертации обсуждался и был рекомендован к защите на заседании кафедры истории России Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, определены территориальные и хронологические рамки, объект и предмет исследования, раскрыта степень научной разработанности проблемы, сформулированы цель, задачи и научная гипотеза, приведены теоретическая и методологическая основы, дан краткий анализ источниковой базы исследования, обоснована научная новизна, сформулированы положения, выносимые на защиту, определены теоретическая и практическая значимость, обосновано соответствие диссертации паспорту научных специальностей ВАК, приведены сведения об апробации результатов исследования и структура диссертации.

Первая глава **«Теоретико-методологические и историографические подходы к изучению Большого Кавказа в контексте международных отношений России»** состоит из трех параграфов. В первом параграфе «Понятийный аппарат, теоретические и методологические аспекты исследования» проанализированы методы, примененные в работе, а также разъяснены основные понятия.

Базовыми принципами исследования стали *историзм, объективизм и холизм*. Опираясь на принцип историзма, мы понимаем историю как процесс и помещаем изучаемое явление в исторические контексты разного уровня: регионального, общероссийского, международного. В соответствии с неоклассической моделью исторического исследования принцип историзма не

абсолютизирует научную нейтральность и объективность и предполагает осознание познающим собственной субъективности. Принцип объективизма допускает вариативность паттернов, через которые можно смотреть на историческую реальность. Благодаря гибкой конструкции холизма удалось увидеть Большой Кавказ в единстве его составных частей, как часть российского государства, а также как пространство столкновения мирополитических интересов великих держав в изучаемый период.

Феноменология определила особенности работы с историческим источником, который является эмпирическим объектом истории и определяется как продукт целенаправленной человеческой деятельности¹. Феноменологическая парадигма предполагает не объяснение исторической действительности, а понимание человека прошлого через окружающий его мир.

Историко-генетический метод позволил исследовать переход российского государства и Кавказа от Первой мировой войны через революцию 1917 г. и Гражданскую войну к установлению советской власти. С использованием *историко-сравнительного метода* мы обращаемся к сравнению Северного и Южного Кавказа, в том числе в вопросах изменений институтов и идентичностей в изучаемый период. *Историко-диахронный метод* подразумевает изучение определенного явления в развитии и смене этапов, в том числе в истории отдельно взятого региона или его частей. В связи с привлечением эго-документов стало целесообразным рассмотрение биографий их авторов (А.И. Хатисова, П.И. Аверьянова, Б. Шаханова и т.д.) через *историко-биографический метод*.

Предмет изучения выводит на направление *новой локальной истории*, в которой сложилось нужное нам понимание локуса. М.Ф. Румянцева и С.И. Маловичко дали следующее определение локусу – это объект исторического изучения, не тождественный государству. Локус может быть как больше

¹ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории Москва: РГГУ, 2008. 358 с.

государства, так и его часть, может объединять и группу государств². Новая локальная история понимает Большой Кавказ как единство многообразных миров.

Главным подходом диссертации является *междисциплинарность*. Исторические методы были дополнены теориями международных отношений. Рассматривая внешнюю политику России и государств, с которыми она взаимодействовала, в рамках *неореализма* можно выявить логику, внешние принуждения и ограничения, которым подчинялись все участники событий. *Неолиберальная теория* нами использована в той части, где речь идет о международных отношениях как поле действия разных участников, не только государств. Наиболее открытой методологическим экспериментам остается теория *конструктивизма* А. Вендта в связи с интересом к социальным, этническим и религиозным группам.

В рамках *исторической имагологии* мы видим, как Кавказ в создании российских политических элит имел статус «внутреннего Другого». Изучение кавказских реалий в международном контексте подразумевает учет сложного взаимодействия различных идентичностей. Если говорить о Кавказе то, его жители в изучаемый период были носителями многоуровневой идентичности, так как они включались в локальные миры, пространство этноса, религиозной группы, региона и российского государства. В современной исторической науке мы сталкиваемся с понятием «*русский ориентализм*» в трудах как российских, так и зарубежных исследователей. Канадский историк-славист Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе в монографии термин «русский ориентализм» вынес в заголовок. Ученый исследовал амбивалентное отношение России к Востоку, как к «другому», и в то же время, как к части своего «Я»³.

Базовым понятием, как следует из темы, является геополитическая

² Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. статей / сост. Ред. А.Е. Загребина, О.М. Мельникова. Ижевск: Удмурдский университет, 2012. С.3–11.

³ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции = Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration / перевод с англ П. Бавина. Москва: Полиграфическая энциклопедия, 2019. 287 с.

категория «*Большой Кавказ*», которая подразумевает регион геополитический и исторический. Выбранный период отличается усилением центробежных сил как в самой России, так и внутри кавказского региона. Революция 1917 г. стала ускорителем роста этнического и национального самосознания, а большевики, скорее, раскололи общественные силы Кавказа. Сам регион начал институционально распадаться изнутри: на Севере протекали сложные процессы самоопределения в условиях глубокого политического кризиса и Гражданской войны, на юге провозгласили независимость Грузия, Армения и Азербайджан. В этой связи модель Большого Кавказа позволяет видеть единство региона при разнообразии составных частей в период распада, что крайне важно для понимания причин его последующего включения в состав советской государственности. Применение категории «*Южный Кавказ*», которая больше характерна для политических работ, также определяется междисциплинарным подходом. Несмотря на фокус на российской внешней политике, мы исследуем регион также в международном контексте и поэтому термин «Закавказье», предполагающий взгляд только из России не может отражать реального положения дел. Применительно к периоду установления советской власти мы используем расхожую в историографии категорию «*советизация*», под которой в данной работе понимается сложный политический процесс установления советской власти с учетом множества условий и предпосылок. Большой Кавказ после 1917 г. мы определяем как «*постимперское пространство*». В нашем случае «постимперское пространство» - территория, утратившая формальную связь с ядром империи и имеющая инерционное единство и некую институциональную память, но при этом подвергающаяся внешнему воздействию и преодолевающая кризис через самоорганизацию.

Во втором параграфе «*Историография проблемы*» проанализирован обширный пласт литературы по изучаемой проблеме. В *советской историографии* дореволюционного Кавказа во внешней политике России следует выделить труды М.Н. Покровского, рассматривавшего включение

Кавказа в состав России с позиций торгового капитализма⁴. В целом в советской историографии Кавказская война исследовалась историками с учетом геополитического соперничества, одним из аспектов которого был шпионаж и агентурная деятельность⁵. Кавказ рассматривался в связи с историей восточного вопроса. В этом направлении большой вклад сделан Н.С. Киняпиной и ее учениками⁶. В 1980-е гг. оформилась школа кавказоведения В.Б. Виноградова. Активным началом в историческом процессе наделялась не только Россия, но и локальные сообщества Северного Кавказа. Традиции школы развивают последователи В.Б. Виноградова⁷. В период «перестройки» вышла «История народов Северного Кавказа. Во втором томе, посвященном периоду конца XVIII – 1917 г. приняла участие ставропольский историк В.П. Невская⁸. Общая концепция монографии предполагала изучение истории Кавказа и его вхождения в состав России с учетом ситуации и на Южном

⁴ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: сборник. Москва: Красная новь, 1923. 392 с.

⁵ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов) / под редакцией Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси Госиздат Грузинский ССР, 1953. 578 с.; Адамов Е. Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 105-125; Касумов А.Х. Англо-турецкие происки на Северном Кавказе после окончания Крымской войны // Ученые записки КБГУ. Нальчик: БГУ, 1960. Вып. 5. С. 261–292

⁶ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. Москва: Издательство Московского университета, 1984. 328 с.; Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в. / под ред. Н. С. Киняпиной. Владикавказ: СОГУ, 1992. 311 с.; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Москва: Русская панорама, 2003. 344 с.

⁷ Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. № 45. 2007. С.74 - 84; Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2002. 160 с.; Виноградов В.Б., Люфт Е.Г., Чарыкова Ю.Е. Эскизы принципов и практики кавказской «российскости». Москва-Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2009. 40 с.; Клычников Ю.Ю. О перспективах дефиниции «российскость» // Вопросы южнороссийской истории. 2011. Вып. 17. С. 125–126; Дударев С.Л. Еще раз о российскости // Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа): монография / под редакцией С. Л. Дударева. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. С. 25–36; Дударев С.Л. К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и большой России в XVIII – начале XXI века / под ред. Н.Н. Гаруновой. Армавир: Дизайн-студия Б, 2013. С. 38–44; Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах немирных горцев. Пятигорск: ПГУ, 2019. 90 с.; Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Польский след» в истории Северного Кавказа первой половины XIX в. // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской / отв. ред. П.И. Абайханова. Карачаевск: КЧГУ, 2019. С. 265–270.

⁸ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / под редакцией А.Л. Нарочницкого. Москва: Наука, 1988. 659 с.

Кавказе, в Персии и Османской империи, а также внешней политикой России и европейских держав.

Тема вхождения Кавказа в состав России актуализировалась с распадом СССР и событиями на Северном Кавказе в 1990 – 2000-х гг. **В постсоветский период** был собран и проанализирован солидный источниковый материал. В последние два десятилетия в изучении истории российско-кавказских наблюдается тренд, связанный с изучением внешнеполитического контекста вхождения Кавказа⁹. Стало больше работ, фокусирующихся на геополитических аспектах кавказской истории, пытающихся вписать регион в более широкие контексты истории¹⁰.

Историография Кавказа в период Первой мировой войны в советский период сформирована под влиянием взглядов В.И. Ленина о несправедливой, империалистической и захватнической мировой войне, в том числе и со стороны России¹¹. В большинстве своем на разных этапах развития советской исторической науки ученые обращались к теме военных действий

⁹ Ханарсланова Б.Т. Дагестан и Ширван в международных отношениях первой половины XVIII в.: дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2011. 193 с.; Магомедова Р.И. Кавказская проблема в восточной политике Англии, России и Франции в первой половине XVIII в.: дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2004. 165 с.; Алиева У.М. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Османской империей и Иранской державой: 70-е гг. XVIII - 20-е гг. XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2008. 172 с.; Джихаева Э.А. Северо-Восточный Кавказ в международных отношениях: историко-правовые аспекты договоров, заключенных Россией с Турцией и Ираном. 1774-1826 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Махачкала, 2007. 453 с.; Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2013. 497 с.; Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 2004. 36 с.; Рябиков А.Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. Армавир, 2007. 216 с.

¹⁰ См. например: Урушадзе А.Т. Народы Северного Кавказа и Восточная Грузия в геополитических проектах Петра Великого // Научная мысль Кавказа. 2020. № 4 (104). С.85 – 91; Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И. История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722-1735). Махачкала: Лотос, 2021. 200 с.; Чеучева А.К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2008. 45 с.; Черноус В.В. Культурно-цивилизационное взаимодействие на Северном Кавказе: история и некоторые тенденции // История: научные поиски и проблемы. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2000. С. 164-187; Chernous V. Civilizational-cultural dialogue in the Caucasus as the basis of regional stability // Science Almanac of Black Sea Region Countries. – 2019. – № 1 (17) – Р. 59 – 64; Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.

¹¹ Ленин В.А. Тезисы по поводу предстоящей войны // Ленин В.И. О войне 1914–1918 гг. (избранные статьи и речи). Москва: Красная новь, 1924. С. 11–13; Ленин В.И. Из брошюры «Задачи пролетариата в нашей революции» // Ленин В.И. О войне 1914–1918 гг. (избранные статьи и речи). Москва: Красная новь, 1924. С. 134–135.

на Кавказском фронте¹². В 1975 г. вышла в свет коллективная монография «История Первой мировой войны 1914 – 1918 гг.»¹³, работа, в которой освещена не только военная, но и политическая история войны.

В современной историографии тема Первой мировой переосмыслена. Популярным сюжетом стало участие кавказских народов в войне, исследована дипломатическая история войны, в том числе с учетом событий на Кавказе¹⁴. Влияние на развитие историографии Первой мировой войны оказывают юбилейные даты, к которым были приурочены мероприятия и выпуски сборников документов и монографий, в том числе в той или иной степени посвященных Кавказу¹⁵. В 2020 г. результатов совместной работы российских и армянских архивистов и историков стал сборник документов «Кавказский фронт Первой мировой войны. 1914 – 1917 гг.»¹⁶. В совместной монографии В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева¹⁷ затрагивают кавказские реалии.

Историография политической истории Кавказа после 1917 г. представлена трудами, посвященными Северному Кавказу, Закавказью (Южному Кавказу) целиком и каждой из республик отдельно. Для **советский историографии** и кубанское, и горское правительства рассматривались в негативном ключе, как сепаратисты и самостийники, пособники

¹² Зайончковский А.М. Подготовка России в империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. Москва: Государственное военное издательство, 1926. 451 с.; Вержховский Д.В. Первая мировая война 1914-1918 гг.: воен.-ист. очерк. Москва: Воениздат, 1954. 306 с.; История первой мировой войны 1914-1918 гг./ А.М. Агеев, Д.В. Вержховский, В.И. Виноградов, В.П. Глухов, Ф.С. Криницын, И.И. Ростунов, Ю.Ф. Соколов, А.А. Строков / под редакцией доктора исторических наук И.И. Ростунова. Москва: Наука, 1975. – 2 т.

¹³ История первой мировой войны 1914-1918 гг./ А.М. Агеев, Д.В. Вержховский, В.И. Виноградов, В.П. Глухов, Ф.С. Криницын, И.И. Ростунов, Ю.Ф. Соколов, А.А. Строков / под редакцией доктора исторических наук И.И. Ростунова. Москва: Наука, 1975. 2 т.

¹⁴ См. например: Россия и Кавказ в Первой мировой войне 1914–1918 гг.: основные военные кампании, геополитические и социокультурные итоги. Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. и формированию Кавказской Туземной конной дивизии (Дикая дивизия). Сборник тезисов докладов. Магас; Назрань: КЕП, 2014. 212 с; Марзоев И.Т. Первая мировая и Гражданская войны в судьбах представителей народов Северного Кавказа: участники и воинские формирования: (к 100-летию начала Гражданской войны в России). Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2018. 415 с. и т.д.

¹⁵ См. например: Армяне в Первой мировой войне (1914–1918 гг.). Москва: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2014. 768 с.; Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917): 1914. Начало. Москва: Кучково поле, 2014. 640 с.

¹⁶ Кавказский фронт Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Сборник документов / отв. ред. А.Н. Артизов. М.: Связь эпох, 2020. 1168 с.

¹⁷ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. 714 с.

контрреволюции¹⁸. Советская историография старательно обходила тему Республики горцев Северного Кавказа и Дагестана.

В современной историографии фактически нет исследований, где Кубанская народная республика и Горская республика были бы рассмотрены как часть общекавказского пространства. Однако как самостоятельные темы пользуются у историков большой популярностью в последние три десятилетия¹⁹.

¹⁸ См. например: Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Севкавказкнига, 1927. 2 т.; Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанское гос. изд-во, 1927. 236 с.; Буркин Н. Горское правительство и интервенция на Северном Кавказе в 1918–1919 г. // Историк-марксист. 1934. №2. С. 11-19; Эмиров Н. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германотурецкими интервентами (1917 - 1919). Москва: Академия общественных наук при ЦК ВКП(б), 1949. 186 с.; Разгон И. «Кубанское действо» Разгром Кубанской Рады генералом Деникиным // Борьба классов. 1936. №2. С.68–77; Степаненко Б.И. Крушение контрреволюции на Дону Кубани и Тереке в 1920 году // Вопросы истории. 1976. №9. С. 15-33; Зимина В.Д. Крах германотурецкой монархической контрреволюции на юге России в годы гражданской войны и интервенции. учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1989. 87 с.; Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар: Буревестник, 1923. 122 с.; Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1931. С.47–58.

¹⁹ Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917 – 1924 гг.) (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке). Владикавказ: СОГУ, 2003. 210 с.; Гусейнова И.С. Горская Республика: зарождение, становление и причины падения (1917 - 1920 гг. XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2003. 28 с.; Месхидзе Д.З. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917 - 1920): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2006. 190 с.; Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924). Санкт-Петербург: СПбГУ, 2009. 224 с.; Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. Нальчик: Печатный двор, 2012. 606 с.; Лобанов В.Б., Михайлов В.В. «Против попытки небольшой кучки попираť волю широких слоев своего народа... советская власть будет выступать самым решительным образом»: [Гражданская война на Север. Кавказе] // Военно-исторический журнал. 2017. №12. С. 68–73; Вацагаев М.М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917 – 1920. Москва: Центрполиграф, 2018. 352 с.; Кажаров А.Г. Союз объединенных горцев и проблема автономии народов Северного Кавказа в 1917 – 1920 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. №3. Т.13. С. 112–116; Кажаров А.Г. Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки движущие силы и итоги (1917 – 1919) // Вестник АГУ. 2018. №1 (214). С. 28-38; Матиев Т.Х. Роль горского национального движения в революциях и Гражданской войне в России (1917 – 1921): дисс. ... докт. ист. наук. Волгоград, 2022. 655 с.; Доного Х.М. Добровольческая армия и Горская республика в английской политике на Кавказе // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Том 32. Вып. 2. С. 33-38; Ратушняк В.Н. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар: Советская Кубань, 1996. 656 с.; Черкасов А.А. К вопросу о периодизации Гражданской войны на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.) // Клио. 2006. № 4. С. 161-165; Зайцев А.А. Региональный политический процесс в условиях Гражданской войны 1917-1922 гг.: на материалах Дона и Кубано-Черноморья: дисс. ... докт. ист. наук. Краснодар, 2009. 520 с.; Трусова Е.М. Местное управление и самоуправление на Дону, Кубани и в Ставрополе в 1917 г. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 220 с.; Пученков А.С. Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений // Русский сборник: исследования по истории России М.: Регнум, 2012. Т. 12. С. 385–406; Никитин А.Н. Суверенная Кубань: Опыт отечественного парламентаризма (1917-1920 гг.). Часть I. М.: Национальный институт бизнеса, 2010. 368 с.; Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов н/Д.: Логос, 1995. 128 с.; Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М.: Эксмо, 2007. 544 с.; Терновский В.А. Антибольшевистский лагерь на Кубани: взаимоотношения местных органов власти и командования Добровольческой армии (1917 - 1920 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2021. 314 с.; Емтыль З.Я., Пахомов А.В. Формирование органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. Т.19. №1. С.174–196; Звездова Н.В. Неудавшаяся попытка строительства региональной государственности: Конституция

Международное измерение истории Южного Кавказа в советской историографии включает работы, посвященные иностранной интервенции и восточной политике. В советское время эти вопросы рассматривались историками применительно к каждой из республик отдельно. Деятельность меньшевиков, дашнаков и муссаватистов стоявших во главе республик, оценивалась однозначно негативно: пособники интервентов и классовые угнетатели²⁰. В советской историографии первым серьезным обобщающим трудом по восточной политике и советско-турецким, а также советско-иранским отношениям в начальный период существования РСФСР стали монографии А.Н. Хейфеца²¹. В 1990-е гг. сформировались национальные кавказские историографии, в которых происходили поиски предпосылок новой государственности в истории существования самостоятельных государственных образований в 1918 г.²² Можно также выделить **группу работ, охватывающих историю всех трех республик**. Речь идет об интернациональном многообразии авторов, большинство из которых издают работы на русском языке и часто в российских изданиях²³.

Учитывая геополитическое положение региона в треугольнике держав: Россия, Персия и Османская империя, отдельным блоком выделена **литература, посвященная восточной политике большевиков**, в которую исследователи часто помещают кавказскую проблематику²⁴.

Кубанского казачества 1917 г. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2006. №4. С. 39-43.

²⁰ См. например: Ментешашвили А.М. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии в 1917 – 1921 гг. Тбилиси: Ганатлеба, 1987. 207 с.; Хачапуридзе Г.В. Грузинский народ в борьбе за свою свободу и независимость. Тбилиси: Госиздат ГССР, 1943. 176 с.

²¹ Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской Войны (1918 - 1920). Москва: Наука, 1964. 472 с.; Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока 1921 -1927 гг. Москва: Наука, 1968. 327 с..

²² См. например: Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан: Трудный путь к независимости (1917–1920): монография. Москва: Флинта, 2011. 664 с.

²³ Гачечиладзе Р. Конфликтность распада и реставрация империи: политико-географический подход (на примере бывшего Российского Закавказья 1917 – 1923 гг.) // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. Вып. 3. С.160 – 174; Азнаурян С.А. Армения во внешней политике РСФСР в 1917 – 1918 гг.: автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Москва, 2007. 19 с.; Мустафа Озтюрк. Советско-турецкие отношения на Кавказе в 1918–1923 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2010. 26 с.; Муханов В.М. Социализм виноградарей» или история Первой Грузинской республики 1917 – 1921. Москва: Кучкова поле, 2019. 928 с.

²⁴ Павлович (Вельтман) М.П. Революционная Турция. Величие и падение Оттоманской империи (старая Турция). Турция Энвер-Бея и Ахмед-Ризы. Турция Кемаля. Коммунистическое движение в Турции. Москва: Госиздат, 1921. 127 с.; Гурко-Кряжин В.А. Ближний Восток и державы. Москва: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925. 244 с.; Захаров В.А. Российско-турецкие отношения и подписание

Анализ **работ современных зарубежных исследователей**, главным образом, западных, показал, что после распада СССР одним из трендов стало изучение кавказской проблематики именно в формате Большого Кавказа. Кроме того, работы, посвященные этнополитическим конфликтам современного Кавказа, часто апеллируют к имперскому или советскому периодам²⁵.

В третьем параграфе *«Источниковедческий анализ исследования»* систематизированы и представлены источники исследования. Руководствуясь видовой классификацией источников и спецификой изучаемой проблемы, мы разделили источники на отдельные группы. Первую группу составили **законодательные документы**, которые определяли внутреннее состояние государства и были связаны с внешней политикой России на различных этапах истории. В этой связи представлены законы Российской империи, Временного правительства и Советской России²⁶. Большой блок сформировали **делопроизводственные документы**. Из них активно использовались **дипломатические источники**. В первую очередь сюда вошла нотная переписка и деловые письма, опубликованные²⁷ и содержащиеся в архивных

Московского и Карского договоров 1921 года: проблемы их денонсации. Москва: Русская панорама, 2020. 324 с.; Захаров В.А. Карс и Карский договор 1921 г. в истории Армении: материалы к обсуждению книги А. Тонконоженко «Карс: проклятая память». Москва: Центриздат, 2010. 108 с.

²⁵ См. например: Coene F. The Caucasus - An Introduction. 1st edition. London, NY: Routledge, 2015. 216 p.; Saparov A. From Conflict to Autonomy in the Caucasus. The Soviet Union and the making of Abkhazia, South Ossetia and Nagorno Karabakh. London, NY: Routledge, 2015. 216 p.; Kayaloff J. From the Transcaucasian past: two documents about Turkish resistance in 1918 // Journal of Asian History. 1972. Vol. 6. No. 2. P.123–132; Harry N. Howard Kazemzadeh, Firuz. The Struggle for Transcaucasia (1917-1921). With an introduction by Michael Karpovich. Pp. xv, 356, map. New York: Philosophical Library, 1951 // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1952. July 1. P. 175-176; Marshall A. The Caucasus under Soviet rule. Routledge, 2010. 400 p.; Forsyth J. The Caucasus. A History. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 960 p.; Hille Ch. State building and conflict resolution in the Caucasus. Leiden: BRILL, 2010. 359 p.; Baumer C. History of the Caucasus: Volume 2: In the Shadow of Great Powers Bloomsbury Publishing, 2023. 384 p.; Slye S.E. A regional framework for historical developments in the Caucasus, 1917 – 1921: thesis. Cambridge, 2022. 391 p.

²⁶ См. например: Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату 26 февраля 1905 г. «О восстановлении должности Наместника Кавказского» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. Сборник законов и манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под редакцией Н.И. Лазаревского. Санкт-Петербург: Право, 1909. С. 24-26; Постановление Временного Правительства Об отмене вероисповедных и национальных ограничений 22 марта 1917 года URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5413/> (21.09.2024 г.); Декрет о мире // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917 – 1918 гг. Москва: б.и., 1942. С. 2-3.

²⁷ См. например: Документы внешней политики СССР / Министерство иностранных дел СССР; д-р экономических наук А. А. Громыко [и др.]. Т.1. М.: Госполииздат, 1959. 804 с.; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 – 1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и

фондах²⁸ и отражавшие внешнеполитическую повестку России и кавказских государственных образований. К дипломатическим документам отнесем договоры и соглашения²⁹, но с точки зрения видовой классификации они будут отнесены к **актовым историческим источникам**. Речь идет как о подписанных договорах, так и их проектах³⁰. Подвид делопроизводственных документов формируют **стенограммы, протоколы и журналы официальных встреч**. Такие документы не всегда позволяют выявить окончательные решения, как в случае с договорами, но дают возможность реконструировать процесс обсуждения и выявить позиции различных сторон³¹. Традиционным источником исторического исследования стала **периодика**. В силу определенных социальных функций информирования населения и формирования общественного мнения газеты публиковали самые актуальные материалы для страны или отдельного кавказского сообщества³². **Публицистика** как отдельная группа источников представлена трудами свидетелей и участников событий разного политического спектра: как большевистского, так и антибольшевистского³³. Погрузиться глубже и

материалы. – 2-е изд., испр. и доп. Алеф, 2013. 290 с.; Documents of British Foreign Policy, 1919 – 1939 / ed. By E.L. Woodward. Vol. I. London, 1947.

²⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 1. 44. Персидский стол, Ф.149. Турецкий стол; Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.04. Секретариат Чичерина, Ф. Референтура по Турции; ЦГИАГ. Ф.1864 – Министерство иностранных дел; РГИА. Ф.919 – Воронцовы-Дашковы, графы: Илларион Иванович (1837-1916), Министр императорского двора и уделов, Наместник на Кавказе; Елизавета Андреевна (рожд. гр. Шувалова), его жена; РГВИА. Ф. 1300 - Штаб Кавказского военного округа на театре военных действий

²⁹ См. например: Русско-германский добавочный договор к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. 27 августа 1918 г. URL: https://histdoc.net/history/ru/dobavochnyi_dogovor_1918.htm (Дата обращения: 21.09.2024); Договор о мире и дружбе между Императорским Османским правительством и Республикой Арменией. Батум, 4 июня 1918 URL: <http://wa.nt.am/> (дата обращения: 21.08.2019)

³⁰ Проект Кубано-Горского «договора дружбы» // Вольное казачество. 1937. 25 июня. С. 4-5.

³¹ Особый журнал совета министров. 29 Января 1911 года. Об учреждении в гор. Баку турецкого консульства // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1911 год / отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С.80-83; Further vote on account // Hansard Parliamentary Debate. November 1919. Vol. 120. P.1535–1645. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1919/nov/05/further-vote-on-account> (accessed: 02.08.2020); Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад. 1917–1920 гг. Сборник документов: в 6 т. / под ред. А. А. Зайцева. Краснодар: Перспективы образования, 2016.

³² Например, использованы материалы газеты: Кавказ, Вольный горец, Грузия, The times, Правда, Известия, Вольное казачество.

³³ См. например: Быч Л.Л. От Южно-русского союза к федеративной России. 1919. Екатеринодар: Издание отдела пропаганд Кубанского краевого правительства (КОП), 1919. 32 с.; Ленин В.И. Доклад о внешней политике // Полное собрание сочинений. Т.36. Москва: Издательство политической литературы, 1974. С.338; Черчилль В. Мировой кризис / пер. с англ.; с предисл. И. Минца. Москва; Ленинград: Государственное военное издательство, 1932. 328 с. и т.д.

наполнить события конкретными людьми и их взглядами на происходящее помогают **источники личного происхождения или эго-документы**. Эго-документы включают воспоминания и свидетельства широкого круга современников и непосредственных участников событий: иностранных, российских, кавказских³⁴. При чем обращение только к знаковым фигурам должно сочетаться с использованием текстов т.н. «людей второго плана». Например, к таковым относятся записи, сделанные кадетом, членом Закавказского сейма, Ю.Ф. Семеновым³⁵.

Вторая глава **«Кавказский вектор внешней политики России в 1914 – 1917 гг. Эволюция внутрикавказского политического ландшафта»** состоит из четырех параграфов. В первом параграфе *«Особенности внешнеполитического измерения Большого Кавказа накануне Первой мировой войны»* проанализировано положение Северного и Южного Кавказа как объектов международного влияния. Большой Кавказ в конце XIX – начале XX в. стал местом концентрации геополитических и геоэкономических интересов держав. Данный период был заключительным этапом существования Венской системы международных отношений, что обусловило нарастание соперничества между главными ее участниками. Усиление международной напряженности делало кавказскую окраину Российской империи территорией особой чувствительности к внешнему влиянию. В 1880-е гг. нарастает иностранный интерес и приток иностранного капитала, который устремился занимать свободную экономическую нишу и осваивать природные ресурсы региона. В этом отношении европейские предприниматели опережали российских. Иностранцы (англичане, немцы, французы и т.д.) рассматривали Кавказ как выгодное место для своих капиталовложений, так как к началу XX

³⁴ Von Sanders L. Five Years in Turkey. Annapolis: The US Naval Institute, 1920. 350 p.; Bechhofer Roberts C.E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919-1920. New York, 1971; Деникин А.И. Очерки русской смуты [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/2_15.html (Дата обращения: 6.01.2015); Лукомский А.С. Деникин и Антанта // Алексеев С.А. Деникин-Юденич-Врангель (мемуары). Москва-Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. С. 74-115; Далгат А. В огне революции. Воспоминания: 2-е дополненное издание. Махачкала: Алеф, 2017. – 341 с.; ГАРФ. Ф.РР5881.Оп.1. Д.524 (А.И. Хатисов. Русская революция и образование Республики Армения).

³⁵ ГАРФ. Ф.РР5881. Оп.1. Д.467.

в. здесь было около половины нефти, обнаруженной в мире. К началу Первой мировой войны ситуация в промышленном развитии края по-прежнему предполагала лидерство иностранцев, о чем свидетельствовал Наместник Великий князь Николай Николаевич по прибытии на Кавказ. Особенно заметное значение накануне Первой мировой играл немецкий капитал с высокой долей участия в разработке и экспорте чиатурского марганца.

Большую роль в российско-турецких отношениях играл вопрос миграций: из Турции от погромов на Кавказ бежало армянское население, в Турцию переселялись кавказские мусульмане, в том числе горцы, зазываемые турецкими эмиссарами. На мусульман Порты пыталась воздействовать через панисламистскую пропаганду, случаи которой фиксировались российской агентурой. Мотивы отъезда северокавказцев были разными и не всегда религиозные, часто экономические. Ненадежной в связи с турецкой активностью у властей считалась Батумская область, относительно недавно вошедшая в состав России. Несмотря на сложные российско-турецкие отношения и сопротивление Наместника Воронцова-Дашкова, в 1911 г. было дано разрешение на открытие турецкого консульства в Баку, так как в Петербурге отказом боялись нарушить хрупкий баланс в отношениях.

Армянский вопрос в российской внешней политике был сопряжен с ситуацией на Кавказе, так как здесь компактно проживало армянское население рядом с турецкой границей. Россия проявляла заинтересованность в реформировании управления армянскими вилайетами в Османской империи. Так Санкт-Петербург стремился отстаивать свои интересы в восточном вопросе и укреплять свою власть на Кавказе, куда от погромов бежали турецкие армяне. Инструментальную роль играла фигура католикоса, резиденция которого находилась на Кавказе. Эчмиадзин был также одним из средств участия России в восточном вопросе, так как помогал оказывать влияние на турецких армян и добиваться их расположения.

Во втором параграфе *«Первая мировая война как фактор дестабилизации кавказского пограничья Российской империи (1914 – 1917*

22.)» исследовано состояние внешнеполитического измерения Большого Кавказа в связи с событиями Первой мировой войны. В целом в контексте всей мировой войны, Кавказский фронт играл вспомогательную роль для европейских держав, но для российско-турецких отношений он был определяющим. Младотурецкий режим рассматривал Кавказ как часть масштабных геостратегических проектов – сдерживание российских амбиций в Анатолии и собственное продвижение в Азию. Немцы же надеялись отвлечь русские силы от Польского и Галицкого фронтов, отрезать доступ России к нефтяным и газовым ресурсам вокруг Каспийского моря и в конечном итоге прорваться в Туркестан. С самого начала ставка немецко-турецкого союза была сделана на подрыв Кавказа изнутри, используя при этом кавказскую эмиграцию. За связь с регионом от немцев отвечал бывший консул в Тифлисе граф фон Шуленбург. Во время Саракамышского сражения в Батумской области поднялось протурецкое восстание. В то же время по данным военных сводок этого периода восстание в Гурии туркам поднять не удалось. Таким образом, ожидаемой тотальной поддержки от кавказских народов получить не получилось.

Для России за время войны Кавказ увеличился за счет т.н. «территорий, занятых по праву войны», в том числе сюда входила и Турецкая Армения. Из них сформировали генерал-губернаторство и подчинили Наместнику. Более того, началось изучение новых территорий с целью оценить возможности их колонизации и хозяйственного освоения. Попытки армянских беженцев, поддержанных католикосом Кеворком V вернуться в Эрзерум, Ван и Трапезунд натолкнулись на ряд сложностей. Кавказские власти объективно не могли гарантировать в условиях войны безопасность и эффективное административное управление при возвращении.

Персия стала плацдармом для немецкой и турецкой антироссийской активности. Попытки России опереться на курдов были неудачными, так как они переходили на турецкую сторону и договоренностей не соблюдали. Также нестабильность для Кавказа создавали племена шахсеван (тюрки), которые

могли быть лояльными, а потом тоже не соблюдать договоренности. Среди шахсеван активно работали турецкие эмиссары. Русской дипломатии пришлось бороться за расположение самого шахского двора, возникала угроза выступления на стороне Турции в войне. Большую роль сыграл успех корпуса Н. Баратова, занявшего Хамадан, после чего Тегеран подтвердил свое дружеское расположение к России. Взятие Керманшаха тоже нанесло сильный удар по немецко-турецкой пропаганде в Персии.

В третьем параграфе *«Влияние российской революции 1917 г. на национальную/региональную и коллективную/индивидуальную идентичности народов Кавказа»* исследован имагологический аспект проживания Большим Кавказом кризиса революции 1917 г. Этот год сформировал совершенно новые контексты: и внутривосточный, и внешнеполитический. После падения монархии не стало фактора, который силой ограничивал конфликтность региона. Большой Кавказ начал политически и институционально распадаться по линии горного хребта, Северный и Южный Кавказ явили собой отдельные социально-политические пространства. По мере нарастания кризиса, Кавказ переставал мыслиться как единое пространство. В пределах Северного и Южного Кавказа четче намечались и обозначились внутренние границы. Структура северной части была сложнее и локальность многообразнее, попытки местных элит объединить все этно-религиозное разнообразие в Союз горцев оказались нереализованными. Отдельно на Северном Кавказе самоопределялась Кубанская область, где казачество образовало свое правительство и идентичность сильно расходилась с кавказской, особенно у черноморцев, тяготевших к Украине. Именно на Кубани северокавказская идентичность работала слабо, как и идентичность общекавказская.

Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана хотел опереться на принадлежность участников к горскому сообществу, поэтому в его состав вошли осетины и абхазы, только отчасти состоявшие из мусульман. С другой стороны, вошли ногайцы и туркмены, которые к горцам не относились, но при этом исповедовали ислам. Принадлежность к

мусульманству влияла на политические намерения северокавказских лидеров, но сделать из ислама идеологическую платформу не получилось, несмотря даже на знакомство с панисламистскими взглядами. Таким религиозным лидерам как Н. Гоцинский, А. Акушинский и Узун Хаджи, невзирая на популярность среди населения, не удалось создать общую для горцев религиозно-политическую платформу. Отдельные представители северокавказцев, интегрированные в структуры империи, адаптировались к новой реальности через консолидацию со своим кругом. Горская интеллигенция с российским образованием, через которое впитывалась и европейская культура, стала больше демонстрировать чувство принадлежности к территории, этносу и религии. Например, Балкарец Басият Шаханов уже в 1909 г. из православия вернулся в ислам, а в 1917 г. возглавил Временный Центральный комитет объединенных горцев. В своих выступлениях отделял горцев от России и Кавказ, они по его замыслу могли образовать отдельную единицу в федеральном проекте России.

На Южном Кавказе после падения самодержавия был учрежден Особый Закавказский комитет (Озаком), состоявший из армянина, грузина и азербайджанца, а во главе стоял русский председатель В. Харламов. Однако он никак не стабилизировал межэтнические отношения и в какой-то степени Озаком усиливал разногласия, так как каждый народ апеллировал к своему представителю. Активно выстраивались национальные потоки. Например, долгое время бывший городским головой Тифлиса Александр Хатисов переместился в Александрополь, чтобы посвятить себя именно национальному делу, городской голова Баку Лука Быч, казак, вернулся на Кубань, где стал председателем Кубанского правительства. Актуализация национальной, социальной и религиозной идентичности кавказских жителей в 1917 г. сопровождалась попытками выработать собственное видение политического будущего и эти проекты не были ни сепаратистским. В большинстве случаев речь о вхождении в обновленную федерацию России.

В силу экономической функциональной связанности и действующей постимперской инерции народы и их лидеры тяготели к общекавказскому единству, но постепенно в связи с хаосом революционного времени усиливалось ощущение принадлежности к своему этносу или социальной группе, как было у казаков. Мироощущение казачества, понимание места и роли в российской государственности определялось особой сословной принадлежностью, в отличие от горцев и закавказских народов, где была сложная этно-религиозная идентичность. Кубанские казаки были неоднородны. Черноморцы происходили от запорожских казаков, поэтому в станицах сохранялся украинский язык и некоторые остатки прежней вольницы. Линейцы происходили из донских казаков, говорили на русском. По мере нарастания кризиса казачество стремилось к консолидации скорее по социальному или сословному признаку, нежели национальному или территориальному. При этом в 1917 г. представители кавказских народов и даже самые решительные казаки-черноморцы не демонстрировали сепаратистских настроений. В той или иной степени в политическом смысле элиты Большого Кавказа соотносили себя с российской государственностью, не имперской, а демократической, которая в 1917 г. едва наметилась.

В четвертом параграфе *«Трансформация институтов управления Кавказом в 1917 г. как отражение политического распада постимперского пространства»* представлено развитие системы управления регионом в связи с падением институтов самодержавия. Революция 1917 г. смела структуру наместничества и не сформировала эффективный аналог. Кавказ по инерции оставался частью России, но стихийно начался процесс политической самоорганизации. На Северном Кавказе сформировался Союз горцев народов Северного Кавказа и Дагестана, было создано Кубанское правительство, при этом были и комиссары от Временного правительства. В Тифлисе был создан ОЗАКОМ, призванный заменить наместничество, он был не в состоянии сосредоточить власть даже в Закавказье. Территории занятые по праву войны вышли из ведения ОЗАКОМа, комиссар присланный туда подчинялся

непосредственно Временному правительству. Попытки ОЗАКОма распространить свою власть на Северный Кавказ и заменить Наместничество оказались неудачными и встретили сопротивление со стороны Союза горцев. Кавказу, вернее его отдельным народам и их политически активным представителям, в условиях слабости российского центра был нужен посредник или арбитр, поэтому в 1918 г. не приняв большевистскую власть его стали искать во внешнем мире.

Организационная активность местных политических и интеллектуальных элит, направленная на формирование самоуправления, на построение институтов для будущей жизни в составе федерации в течение 1917 г. подготовила почву для поисков независимости. К началу 1918 г. и институционально, и ментально Кавказ был готов к отделению. Как писал грузинский политик З. Авалов, во время Батумских переговоров в мае 1918 г. Россия уже казалась далекой страной. Кубанское казачество фактически переориентировалось на общеказачий политический процесс. Во многом институциональной дефрагментации способствовала политика Временного правительства, которое определило 12 июля 1917 г. порядок сношения центральных органов власти с ОЗАКОМом и комиссарами Терской и Кубанской областей. Фактически так был закреплён институциональный распад старой системы управления одним большим Кавказом.

Третья глава **«Место Большого Кавказа в восточной политике советского государства (1917 – 1922 гг.)»** состоит из трех параграфов. В первом параграфе *«Политическая трансформация Северного и Южного Кавказа в конце 1917 – 1918 г.: роль турецкого фактора»* исследованы политические процессы в связи с приходом к власти большевиков в центре и немецко-турецкой интервенцией на Кавказе. Отправной точкой нового этапа вовлечения Северного и Южного Кавказа в международные отношения стал приход к власти большевиков и принятие «Декларации прав народов России». Данный акт только усилил неопределенность политических ожиданий среди кавказских народов, все надеялись на созыв Учредительного собрания. Вопрос

о независимости от России в конце 1917 г. и январе 1918 г. кавказскими политиками не обсуждался. По мере усиления кризиса власти в Петрограде Кавказ искал поддержку во внешнем мире. Попытки консолидироваться с другими осколками Российской империи и единым фронтом выступить против советской власти не увенчались успехом. Уход России, а затем и русской армии, создал вакуум власти, который поспешили заполнить Германия и Османская империя. Для турецкого государства и армии Кавказ был и зоной традиционного геополитического интереса, и шансом компенсировать территориальные утраты, понесенные накануне Первой мировой войны, кроме того, в случае успеха на Кавказе турки получали преимущество в политике в Персии и Средней Азии. Военными и дипломатическими способами Османская империя в 1918 г. усилила раскол кавказской коалиции, которая попыталась выступить консолидировано и на Трапезундские переговоры в марте 1918 г. прибыла как одна делегация.

22 апреля 1918 г. была принята резолюция Закавказского сейма о провозглашении независимости Закавказской демократической федеративной республики. НКВД настаивал на то, что весь Кавказ неотделим от России, а действия грузинских меньшевиков, азербайджанских мусаватистов, армянских дашнаков и представителей Союза горцев противоречат пожеланиям большинства кавказского населения. Несмотря на сопротивление Советской России и благодаря военному и дипломатическому напору турок, в Батуме кавказские республики провозгласили независимость. Батумские переговоры в мае 1918 г. закончились распадом на отдельные республики, в том числе независимость провозгласил т.н. Союз горцев, который территориально фактически не существовал. На Северном Кавказе несмотря на тяготение к Турции и пропаганду панисламизма, религия не смогла стать организующим и объединяющим фактором. В Баку лидирующее положение заняли большевики, Тифлис заняли немцы, которые контролировали и ограничивали турецкую военную активность.

Наиболее нежелательным сценарием эта независимость была для Армении, которая одна на один осталась с турецкой угрозой. Грузия оказалась под защитой Германии, Азербайджан и горцы под протекцией Османской империи. В Баку, где власть взял СНК, большевики долго продержались, осенью город оккупировали турецкие силы. После Мудросского перемирия, по которому Турция признала поражение, с Кавказа пришлось отступить. Последним проектом османов в регионе стала Юго-Западная Кавказская демократическая республика, провозглашенная в декабре 1918 г. Характеризуя кратко сложившуюся в 1918 г. геополитическую ситуацию вокруг Кавказа, можно сказать, что Советская Россия его упустила, а уходящая в прошлое Турция не смогла закрепиться.

Во втором параграфе *«Политические процессы в кавказском регионе в контексте советско-турецких отношений в 1920 – 1922 гг.»* проанализировано взаимодействие советского правительства и кемалистской Турции вокруг Кавказа после завершения Первой мировой войны. Новый этап в развитие российско-турецких отношений начался в 1920 г. Для России наступила определенность в ходе Гражданской войны и был занят Северный Кавказ, а в Турции в Анкаре (Ангоре) была образована новая власть – Великое национальное собрание Турции (ВНСТ). М. Кемаль и ВНСТ составили оппозицию власти в Константинополе, которая подписала невыгодный Турции Севрский договор. Россия его не подписывала, поэтому могла быть союзником кемалистских сил. Турции от России нужна была помощь оружием и деньгами, Советская Россия искала международного признания и стремилась вернуть Южный Кавказ. Причины для таких намерений Москвы были как экономические, такие как потребность в нефти, так и геополитические. Москва поддерживала союз с Турцией для закрепления итогов советизации Северного Кавказа, таким образом контролировался традиционный конкурент по региону.

С подписанием Карского договора в 1921 г. закончился очередной этап в урегулировании кавказского вопроса в контексте советско-турецких

отношений. Переживая известные внутренние проблемы, большевистская Россия и кемалистская Турция были вынуждены начать мирное взаимодействие. Безусловно, союз был ситуативным, такой характер ему придавали кавказские проблемы. 1920 – 1921 гг. отмечены завуалированным соперничеством за преобладание на Кавказе, что имело не только геополитические, но исторические традиции. Для Турции и России допущение независимости и реального суверенитета государств на Южном Кавказе означало уступку друг другу или Англии. Потому обе стороны ставили целью подчинение Южного Кавказа: большевики говорили о создании единой республики из трех, кемалисты не оставляли надежда на Кавказскую федерацию. Понимание и имеющиеся свидетельства об этих намерениях Турции для советской власти стали предпосылкой для решительных действий на Кавказе. В течение 1921–1922 г. все политические процессы на Южном Кавказе РСФСР взяла под свой контроль. Сотрудничая в широком международном смысле, на региональном Россия и Турция фактически продолжили борьбу, пока Южный Кавказ не вошел полностью в состав СССР как ЗСФСР в 1922 г.

В третьем параграфе *«Место Южного Кавказа в эволюции отношений РСФСР и Персии в 1918 – 1922 гг.»* прослеживается развитие советско-персидских отношений в связи с новой международной ситуацией и кавказской повесткой. В Персии после установления советской власти в России в октябре 1917 г. образовалась двойственность дипломатического представительства. С одной стороны, оставались представители старой России, с другой, уже в начале 1918 г. большевики прислали своего представителя, направленного бакинским СНК. Независимые в этот период закавказские республики действовали в отношении Тегерана самостоятельно, а также контактировали с располагавшимися здесь англичанами и представителями прежней российской дипломатии. Из Персии были выведены русские войска к весне 1918 г. и англичане полностью заняли страну, в том числе чтобы использовать как плацдарм для борьбы большевиками.

Англичанами Тегерану в 1919 г. был навязан совершенно кабальный договор. После советизации Азербайджана в апреле 1920 г. большевики получили преимущество в персидской политике. Планы по советизации всей Персии даже Кавбюро признало несостоятельными. Однако предпринимались попытки под прикрытием советского Азербайджана влиять на революционную ситуацию в провинции Гилян. В 1921 г. в результате переворота в Тегеране сменилась власть и договор с англичанами был отменен и подписано советско-иранское соглашение. После этого Южный Кавказ стал иметь значение в налаживании советско-персидских экономических отношений. В этом направлении в 1921 г. РСФСР начала монополизировать торговые связи Грузии, Армении и Азербайджана. В составе советской дипломатической миссии Ф.А. Ротштейна в Иран прибыл представитель Наркомата внешней торговли. Был создан Облвнешторг, который представлял интересы РСФСР и закавказских республик.

Москва постаралась в 1921 г. объединить все свои экономические контакты и контакты закавказских советских республик с Ираном в одну общую структуру – Внешторг. В вопросах безопасности еще до создания ЗСФСР и включения в СССР советско-иранский диалог Москва вела от имени республик. Даже в 1922 г. были опасения относительно возможного британского вмешательства в дела Кавказа из Персии. Также там были объединения антибольшевистских сил (например, остатков белогвардейцев и дашнаков).

В четвертой главе **«Кавказская повестка во взаимодействии России и европейских государств (1918 – 1920 гг.)»** представлено четыре параграфа. В первом параграфе *«Внешняя политика советской России в связи с германской интервенцией на Южном Кавказе»* проанализированы роль германского фактора в кавказской политике в 1918 г. и дипломатические попытки советского правительства по сохранению региона в зоне влияния. Германия в кавказской политике опиралась на Грузию. Кроме решения собственных задач на Кавказе, например, таких как возвращения доступа к

чиатурскому марганцу, немецкое присутствие сдерживало турецкие войска от самостоятельных действий. Военная активность турок немецким командованием планировалась в Северной Персии, но никак не на Кавказе. В период Батумских переговоров весной 1918 г., когда кавказские делегаты встретились с турецкими представителями в немецком присутствии, советская власть наблюдала за этим процессом со стороны. Посол Германии в Москве Мирбах попытался выступить посредником между Кавказом и Россией, однако для НКИДа и наркома Чичерина прибытие на Батумскую конференцию означало бы признание субъектности кавказской делегации, чего советская власть не допускала.

Советско-немецкие отношения в 1918 г. в связи с кавказской повесткой наметились на дипломатическом уровне, начиная с Брест-Литовских переговоров. Большую роль в этом диалоге играл А.А. Иоффе – полпред в Германии с апреля по декабрь 1918 г. На своем уровне он отправлял ноты протеста немцам по поводу турецкого проникновения в Баку. В августе 1918 г. к Брест-Литовскому договору был подписан добавочный договор, по которому большевики не возражали против признания Грузии Германией. Уйдя в военном отношении с Кавказа, большевики по дипломатическим каналам стремились поддерживать осведомленность в событиях, заявлять о своей позиции и влиять на политику Германии в отношении Грузии.

Во втором параграфе *«Английское военное присутствие в пределах Большого Кавказа в 1918 – 1920 гг. и его итоги»* проанализирован ход и итоги британской интервенции. Непродолжительность и неосновательность пребывания англичан на Кавказе только отсрочила, но не предотвратила установление советской власти. После поражения Германии и Турции Кавказ стал иметь гораздо меньшее значение для союзников и Великобритании, в частности. Продолжительное содержание военной администрации и контингентов было дорогим удовольствием.

Сменившие немцев и турок англичане пробыли не долго, довольно быстро в Париже стал дебатироваться вопрос кто из союзников готов их

сменить. Италия сперва решилась, но после смены правительства отказалась, так как интерес к Кавказу если и был, то экономический, а военное присутствие было не по силу государственному бюджету. США отказались от мандата над Арменией и это повлияло на судьбу Восточной Армении, проект, который был заложен в Севрском договоре без американской поддержки не мог быть реализован. Попытки переложить эту ношу на Италию и США успехом не увенчались, и, начиная с августа 1919 г. англичане стали покидать Кавказ. Их уход затянулся до начала 1920 г., но это промедление не стало поддержкой для Добровольческой армии. Соответственно Южный Кавказ был оставлен в полное распоряжение большевиков.

В третьем параграфе *«Большой Кавказ во внешней политике командования Добровольческой армии (1918 – 1920 гг.)»* детализируется внешняя политика А.И. Деникина, направленная на сохранение всего Кавказа в составе России.

В Париже вступить в переговоры с союзниками пыталась Русская политическая делегация, но доступ к заседаниям у нее был очень ограниченный. В июле 1919 г. Русское политическое совещание, образовавшее делегацию, поставило вопрос о своей ликвидации, что ослабило позиции РПД еще больше. Кавказский вопрос практически не интересовал участников РПС и РПД, они добивались признания Омского правительства как всероссийского, что вызывало недовольство А.И. Деникина. Он как лидер Добровольческой армии фактически был предоставлен сам себе, несмотря на оказываемую союзниками материальную поддержку. Для англичан Добровольческая армия была скорее средством достижения геополитических целей на Востоке и инструментом уничтожения большевизма у кавказского барьера. Англичане, выполняя функцию буфера между Добровольческой армией и кавказскими народами, в итоге не смогли оказать ни одной из сторон эффективной помощи. Внутренняя разобщенность кавказских народов, комплекс территориальных претензий, не позволили ни выстроить единую политику в отношении Добровольческой армии, ни противостоять

большевистскому натиску в 1920 – 1921 гг. Постоянные апелляции английского командования в вопросах независимости Армении, Грузии и Азербайджана, в неразрешенных этно-территориальных спорах между республиками к авторитету мирной конференции характеризуют такую политику как выжидательную, что в тот период времени было недопустимо. Кавказская политика А.И. Деникина не до конца поддерживалась Антантой, белое движение в первую очередь в понимании союзников должно было победить в Гражданской войне большевиков, а потом уже заниматься определением границ и статусов на освобожденном постимперском пространстве.

В четвертом параграфе *«Добровольческая армия и Кубанская народная Республика: внешнеполитический аспект конфликта»* проанализирована эволюция отношений добровольческого командования и кубанских властей, а также внешнеполитические факторы краха идеи кубанской независимости. В свое время А.И. Деникин не расправился с Кубанской Радой и правительством, так как большое количество кубанцев воевало в составе Добровольческой армии против большевиков, кроме того, в 1918 г. были опасения относительно того, что Кубань, как и Дон, пойдет на сотрудничество с немцами. Чрезмерное тяготение казаки проявляли к провозгласившей независимости Украине, что объяснялось историческими корнями черноморцев. Кубань как житницу Кавказа А.И. Деникин использовал в своей политике по отношению к Грузии, где скопились в свое время запасы для Кавказской армии, и он стремился получить к ним доступ. Кубанские власти у союзников ассоциировались с А.И. Деникиным, поэтому делегация Л. Быча, пытавшаяся представить Кубань в Париже не нашла поддержки. Осенью 1919 г. член делегации А.И. Кулабухов прибыл из Парижа с новостью о составлении договора между Правительствами Кубани и Республики Союза Горцев Кавказа, что А.И. Деникин расценил как измену. За этим последовал разгром Рады и казнь А.И. Кулабухова.

Глава пятая **«Международный контекст советизации Большого Кавказа»** состоит из четырех параграфов. В первом параграфе *«Внешиполитическое положение Горской республики (1918 – 1920 гг.)»* политическая активность горского правительства вписана в международный контекст. Что касается Северного Кавказа, то здесь присутствие турецкое, немецкое и английское отмечается, но в гораздо меньшей степени, чем на Южном Кавказе. В международных отношениях еще меньше самостоятельности чем Грузия, Армения и Азербайджан могли позволить себе лидеры Союза объединенных горцев. В мае 1918 г. на Батумской конференции, вместе с закавказскими соседями представители Союза горцев провозгласили Горскую республику во главе с чеченским нефтепромышленником А.М. Чермоевым. До конца войны Германия, которая была ядром Тройственного союза, лояльно относилась к Горской республике, но портить отношения с Советской Россией после подписания Брест-Литовского договора не хотела. Сами горские лидеры тяготели к Турции. Турция уже до официального провозглашение Горской республики отправила на Кавказ Нури-Пашу. В октябре 1918 г. он прибыл в Дербент, но не самостоятельно, а вместе с турецким представителем Юсуф Изет-пашой. Приезд турецких военных не воодушевил горцев, так как это была не армия, а инструкторы, которые начали мобилизацию среди местного населения. Поражение Тройственного Союза в Первой мировой войне ослабило позиции Германии и Турции на Северном Кавказе, затем англичане установили контроль, вытеснив турецкие вооруженные силы. Остались только отдельные турецкие офицеры, в том числе Изет-паша. Протурецкая ориентация скомпрометировала горское правительство в глазах британской миссии. И на Северном Кавказе английская поддержка была больше на стороне А.И. Деникина. Для английских военных на Кавказе главной задачей было не отдать Дагестан большевикам, статус Горской республики их не волновал.

В втором параграфе *«Советизация Азербайджана в контексте внешней политики РСФСР»* проанализирован международный контекст, цели и итоги

установления советской власти в Азербайджане. В ноябре 1919 г. в Москве начал работу II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока. В докладе В.И. Ленина четко прозвучала увязка близкой победы над Добровольческой армией и продвижением советских интересов на Восток. К 1920 г. в структуре НКВД по инициативе И.В. Сталина был создан Отдел мусульманского Ближнего Востока. В этот же период предприняты первые попытки налаживания отношений с европейскими государствами. Уже с конца 1919 г. начинаются контакты России и стран Антанты, так как обе стороны нуждались в экономических связях. В начале 1920 г. Л.Б. Красин выехал для переговоров о торговых отношениях с британским правительством.

В апреле 1920 г. большевики сформировали Кавбюро во главе с Г.К. Орджоникидзе, которое отвечало за установление советской власти на Южном Кавказе. Турецкий лидер М. Кемаль обратился советскому правительству с предложением объединить силы в борьбе с «империалистическими правительствами». XI армия, получив приказ от Г.К. Орджоникидзе, 27 апреля 1920 г. вступила на территорию Азербайджана. Советизации Азербайджана требовали планы большевиков по отношению к Персии, куда большевики стремились распространить революцию. Для западного направления внешней политики Азербайджан был важен в свете активного использования «нефтяной дипломатии». Бакинская нефть помогала налаживать торговые связи. В июне 1920 г. в Лондоне была учреждена компания АРГОС (All Russian Cooperative Society Limited), и Красин стал уверенно говорить о концессиях на бакинскую нефть и нефтепровод. Англия все больше занималась советской делегацией и игнорировала протесты азербайджанских представителей.

Критическое положение М. Кемаля стало фактором сотрудничества с большевистской Россией, что в свою очередь дало возможность большевикам занять Азербайджан, османское правительство вряд ли позволило бы это сделать. Кроме того, успех в Азербайджане дал возможность влиять на Персию и поддерживать повстанческое движение в Гиляне, что

соответствовало идее экспорта революции на Восток и отвечало традиционным геополитическим интересам России.

В третьем параграфе *«Международный контекст провозглашения советской власти в Армении»* исследованы факторы победы советской власти в Армении. После успеха в Баку Москва запретила Кавбюро советизировать Грузию. С ней был подписан договор и совершен обмен представительствами. Армянский вопрос широко дебатировался на мирной конференции в Париже. В. Вильсон выступал за создание большой Армении, а Верховный Совет мирной конференции считал эту задачу невыполнимой. Мандат на Армению был отклонен Сенатом США 1 июня 1920 г. Странами Антанты 10 августа 1920 г. был подписан Севрский договор с османским правительством, по которому Армения включала западноармянские территории. Этот договор не был признан М. Кемалем и его сторонниками в Турции. Вопрос Армении осложнял советско-турецкие отношения, в рамках которых был уже разработан проект договора. НКВД, отслеживая контакты, убеждался в том, что позиция кемалистов неустойчива и они могут договориться с Антантой, соответственно это развяжет руки ангорскому правительству на Кавказе. С мая 1920 г. в Москве находилась делегация от армянского правительства, добивавшегося подписания с Россией договора. 10 августа 1920 г. было подписано предварительное советско-армянское соглашение о перемирии, в Армению был направлен советский представитель Легран. Войска РСФСР занимали Карабах, Зангезур, Нахичевань, но не определяли статус и принадлежность этих территорий. Осенью 1920 г. ситуация обострилась в связи с армяно-турецкой войной (24 сентября – 2 декабря 1920 г.). В свете этих событий возникла угроза полной утраты контроля над Арменией, и большевики пошли на установление здесь советской власти, не признавая Александропольский договор, подписанный дашнакским правительством с кемалистской Турцией. В день провозглашения Армянской ССР, 29 ноября 1920 г., Л.Б. Красину, направленному в Англию, английской стороной для рассмотрения был вручен проект торгового соглашения между

Великобританией и Россией. Советизация Армении не стала последней точкой в урегулировании армянского вопроса в российско-турецких отношениях. Турция упорно не желала сдавать позиций по Александропольскому договору и колебалась, пока окончательно не убедилась в невозможности договориться с Антантой и обойтись без советской помощи. Со своей стороны, большевики, не упрочив позиции на Южном Кавказе, не решались действовать радикально и предпочли пойти на уступки в вопросе армянских территорий, при этом сохранить Батум и не оттолкнуть мусульманское население региона. Кроме того, дружба с Турцией была важна в свете невозможности реализации большевистской идеи революции в Европе и идеологической переориентировки на страны Востока.

В четвертом параграфе *«Внешинополитическое урегулирование в связи с установлением власти Советов в Грузии»* представлен процесс по включению Грузии в зону советского влияния. В Москве после взятия Баку медлили с установлением советской власти в Тифлисе, в том числе опасались, что, форсируя процесс свержения меньшевистского правительства, можно усилить турецкие позиции в Батуме или вообще его могли перехватить англичане, а также навредить миссии Красина в Лондоне. Все действия советской власти можно характеризовать как политику отложенной советизации Грузии. Советско-грузинскому взаимодействию были приданы все необходимые внешние формы международного сотрудничества: обмен представительствами, оформление консульских связей, формирование договорной базы отношений.

Согласно советско-грузинского соглашения от 7 мая 1920 г. для реализации всех достигнутых договоренностей создавалась смешанная комиссия. Направленные в Грузию советские представители следили за тем, чтобы оттуда не поступала помощь на Северный Кавказ повстанческим силам и не шла поддержка Врангелю, что грузинской стороной не выполнялось. Равно как и были проблемы с положением коммунистов в Грузии, которых защищала отдельная статья договора. В качестве диппредставителя РСФСР в

Тифлис прибыл С.М. Киров, затем его сменил А.Л. Шейнман. Республика оказалась окружена силами Антанты, Советской России и кемалистской Турции, поэтому грузинский нейтралитет и независимость были условными. После турецкого вторжения в Армению грузинские меньшевики ждали своей очереди. Европа была занята послевоенными проблемами и поддерживать Грузию ни экономически, ни в военном отношении не могла. В экономике Грузии была заинтересована Италия, однако также одной из задач правительства Ф. Нитти была нормализация отношений с РСФСР. Судя по С.М. Кирову с итальянским послом в Закавказье Мерконтелли, Грузия имела значение для Италии в плане налаживания отношений с Советской Россией. Самостоятельная меньшевистская Грузия воспринималась в Москве как источник опасности для позиций советской власти в Азербайджане и на Северном Кавказе. Советское правительство осознавало, что грузинские меньшевики могут быть использованы союзниками для борьбы с большевиками. За помощью антибольшевистскому восстанию (мятежу Гоцинского) в Дагестане большевиками усматривалась не только грузинское участие, но и Антанты. По мере роста турецкой угрозы в грузинских политических кругах стал подниматься вопрос о передаче англичанам Батума, что совсем не устраивало Москву. Порт связывал керосинопровод и железная дорога с Баку. А турецкая сторона сдерживалась от занятия Батума только из-за потребности в советских поставках оружия и золота. 2 января 1921 г. Кавбюро заявило, что советизация Грузии нужна экстренно. 10 января 1921 г. Верховный совет союзных государств признал Грузию де-юре. На советизации стало настаивать советское полпредство в Грузии. 15 февраля 1921 г. на территорию Грузии вошла XI армия, 25 февраля был занят Тифлис. Таким способом Советская Россия установила контроль над Большим Кавказом. Парадокс заключается в том, что Грузинскую демократическую республику признали де-юре, хотя и в Лигу наций не приняли. Армения и Азербайджан добились только признания де-факто. С территориальными потерями Кавказ удалось вернуть. Карс, Артвин и Ардаган большевики

уступили Турции, по ряду причин, в том числе, потому больше стремились получить Батум, который легко в тот период мог отойти кемалистам.

В **Заключении** подведены итоги исследования. Большой Кавказ является геополитическим и историческим феноменом, постоянно находящимся в состоянии развития. В условиях тектонических сдвигов в России и мире Большой Кавказ, выпавший из государственного тела империи, прошел непродолжительный период самостоятельности и поисков независимости. Однако в течение 1920 – 1921 гг. через установление советской власти Россия вернула себе кавказскую окраину, но уже в новом политическом состоянии, с новыми внутренними и внешними границами. В состоянии постимперского пространства Большой Кавказ не только вернулся в международные отношения в статусе объекта воздействия, но и обрел свойства субъекта. Отдельные государственные образования фактически стали претендовать на равноправный диалог с державами. Внешне отчасти это получилось, по содержанию нет. Однако был получен опыт самостоятельности, с которым советская власть не могла не считаться.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ
*Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК
при Минобрнауки России (общий объем: более 100 п.л.)*

1. Амбарцумян, К. Р. Влияние событий февраля 1917 на представления местных сообществ о государственности народов Кавказа / К. Р. Амбарцумян // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №3. С.12 – 18. (0,75 п.л.).
2. Амбарцумян, К. Р. Особенности современной историографии Большого Кавказа как объекта внешней политики большевиков / К. Р. Амбарцумян // Научная мысль Кавказа. – 2017. – №1. – С.90 – 95. (0,75 п.л.).
3. Амбарцумян, К. Р. А.И. Хатисов «Русская революция и образование Республики Армения на Кавказе (1917–1918 гг.) / К. Р. Амбарцумян // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2017. – №3. – С.365 – 384. (1,5 п.л.).
4. Амбарцумян, К. Р. Место Южного Кавказа в советско-турецком сближении в 1920 – 1921 гг. / К. Р. Амбарцумян // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – №3. – С.8 – 16. (1 п.л.).
5. Амбарцумян, К. Р. Английское военное присутствие в пределах Большого Кавказа в 1918 – 1920 годах и его итоги / К. Р. Амбарцумян // История: факты и символы. – 2017. – №3. – С.166 – 117. (1 п.л.).

6. Амбарцумян, К. Р. Участие России и Турции в политических процессах Южного Кавказа в 1918 году / К. Р. Амбарцумян // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т.23. – №2. – С.69 – 79. (1 п.л.).
7. Амбарцумян, К. Р. Политика Англии на Большом Кавказе в 1918–1920 гг. в воспоминаниях А. Роулинсона и К. Бехгофера / К. Р. Амбарцумян // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2018. – Вып. 64. – С. 296-312. (1,5 п.л.).
8. Амбарцумян, К. Р. Особенности взаимоотношений Союза объединенных горцев и Грузинской Демократической Республики (1918 – 1919) / К. Р. Амбарцумян // История: факты и символы. – 2018. – №4(17). – С.104-113. (0,75 п.л.).
9. Булыгина, Т. А., Амбарцумян, К.Р. К вопросу о месте Южного Кавказа в советско-персидских отношениях в 1917 - 1921 гг. / Т. А. Булыгина, К. Р. Амбарцумян // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – №4. – С.16 – 23. (0,75 п.л., авт. вклад – 0,5 п.л.).
10. Амбарцумян, К. Р. «Грузия нужна нам как временный буфер»: международные факторы большевистской советизации Южного Кавказа (1920 – 1921 годы) / К. Р. Амбарцумян // Новый исторический вестник. – 2019. – № 1(59). – С.85 – 105. (1 п.л.).
11. Амбарцумян, К. Р. Внешняя политика Советской России в связи с германским военным присутствием на Южном Кавказе в 1918 г. / К. Р. Амбарцумян // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – №3. – С.8 – 16. (0,75 п.л.).
12. Величко, Л. Н., Амбарцумян, К. Р. Армяно-грузинский территориальный вопрос и особенности национально- государственного строительства в Закавказье (1918 г.) / Л. Н. Величко, К. Р. Амбарцумян // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – №4. – С.26 – 33. (0,75 п.л., авт. вклад – 0,3 п.л.).
13. Амбарцумян, К. Р. Горская республика в представлениях британской миссии и Добровольческой армии (1919–1920 гг.) / К. Р. Амбарцумян // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – №4. – С.14 –23. (0,75 п.л.).
14. Амбарцумян, К. Р. Кавказ в политике Добровольческой армии на Юге России: международный контекст (1918 – 1920 гг.) / К. Р. Амбарцумян, Т. А. Булыгина // Вопросы истории. – 2020. – №11(1). – С.159 – 170. (0,8 п.л., авт. вклад – 0,5 п.л.).
15. Амбарцумян, К. Р. Политика отложенной советизации: РСФСР и Грузия в 1920–1921 годы / К. Р. Амбарцумян // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – № 2. – С.119 – 132. (1 п.л.).
16. Амбарцумян, К. Р. Армянский вопрос в советско-турецких отношениях в 1921 году / К. Р. Амбарцумян // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – №3. – С.18-25. (0,6 п.л.).

17. Амбарцумян, К. Р. Проблема реформирования армянских вилайетов Турции в политике великих держав в 1908-1914 гг. / К. Р. Амбарцумян // История: факты и символы. – 2021. – №4. – С.51-60. (0,75 п.л.).
18. Амбарцумян, К. Р. События Трапезудской конференции в воспоминаниях А.И. Хатисова / К. Р. Амбарцумян, Л. Н. Величко // Вопросы истории. – 2021. – № 9-2. – С. 277-287. (0,6 п.л., авт. вклад – 0,3 п.л.).
19. Амбарцумян, К. Р. «Русская революция и образование Республики Армении на Кавказе (1917–1918 гг.)» А.И. Хатисова. (Продолжение) / К. Р. Амбарцумян // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2021. – №77. – С. 381-394. (1 п.л.).
20. Амбарцумян, К. Р. Позиция России по «армянскому вопросу» в Османской империи в последней четверти XIX в. / К. Р. Амбарцумян, И. В. Крючков // Былые годы. – 2022. – № 17 (2). – С. 800-811. (0,8 п.л., авт. вклад – 0,5 п.л.).
21. Амбарцумян, К. Р. Ориентализм в геополитических представлениях военных и дипломатических элит российской империи (на материалах обсуждения «армянского вопроса» в конце XIX – начале XX в.) / К. Р. Амбарцумян // Oriental Studies. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 281-292. (1 п.л.).
22. Амбарцумян, К. Р. Образы исторической катастрофы в свидетельствах очевидцев (на примере отражения событий геноцида армян 1915 г.) / К. Р. Амбарцумян // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2023. – Выпуск 83. – С. 278 – 294. (1 п.л.).
23. Амбарцумян, К. Р. "...Настало время раз и навсегда покончить с армянским вопросом": проблема армянских вилайетов Османской империи в международной повестке в 1894-1912 годах / К. Р. Амбарцумян, Л. Н. Величко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28. – № 5. – С. 127-136. (0,8 п.л., авт. вклад – 0,4 п.л.).
24. Амбарцумян, К. Р. П.И. Аверьянов – востоковед «второго плана» опыт реконструкции интеллектуальной биографии / К. Р. Амбарцумян // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2024. – Выпуск 87. – С. 99 – 115. (1,5 п.л.).
25. Амбарцумян, К. Р. «Никакие дипломатические переговоры и настояния перед Оттоманскою Портой благоприятного результата иметь не будут...»: Кавказ системе российско-турецких отношений в конце XIX – начале XX в. / К. Р. Амбарцумян, М. А. Малхасян, В. Р. Балаян // Oriental studies. – 2024. – Т. 17. – Вып. 4. – С.704 – 719. (1,3 п.л., авт. вклад. – 0,9 п.л.).

Монографии:

1. Амбарцумян, К. Р. Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1921) / К. Р. Амбарцумян. – Ставрополь : СКФУ, 2022. – 261 с. (15,23 п.л.).
2. Интеллектуалы и власть в конфликтах переломных эпох / Репина Л. П. (ред.), Амбарцумян К. Р. Антонов Е. П., Артамошин С. В., Башкиров М. Б., Белов М. В., Малышева С. Ю., Петрова М. С., Романова Е. Н., Сальникова

А. А., Селунская Н. А., Степанова Л. Б., Суслопарова Е. А., Чеканцева З. А., Шабунина А. К., Шарова А. В., Шмелев Д. В., Шнейдер К. И., Юрганова И. И. – Москва : Аквилон, 2023. – 336 с. (25 п.л., авт. вклад – 1 п.л.).

3. Армянский вопрос в международных отношениях (1895–1923) / Крючков И. В. (ред), Амбарцумян К. Р., Величко Л. Н., Меликян В. Г., Мелконян А. А., Саакян Р. О. – Ставрополь : СКФУ, 2024. – 208 с. (12,73 п.л. – 5 п.л.).

Научные публикации в других изданиях

1. Амбарцумян К. Р. Влияние революции 1917 г. на национальную/региональную идентичность народов Кавказа / К. Р. Амбарцумян // Историческая память и культурные символы национальной идентичности. Материалы международной научной конференции. – Ставрополь-Пятигорск : ПГЛУ, 2017. – С.100 – 103.

2. Амбарцумян К. Р. Союз горцев Северного Кавказа в контексте событий Революции 1917 года и Гражданской войны: внешнеполитический аспект / К. Р. Амбарцумян // Революция 1917 г. в судьбах мира: уроки столетия: материалы Международной научно-практической конференции (31 октября 2017 г.). – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2018. – С.76 – 80.

3. Амбарцумян К. Р. Влияние фактора иностранного участия на межэтническое взаимодействие народов Южного Кавказа (1917 – 1921 гг.) / К. Р. Амбарцумян // «Хорошие и плохие соседи: практики межкультурных коммуникаций»: материалы IV Международной научной конференции. – Орехово-Зуево: ГГТУ, 2019. – С. 80 – 86.

4. Амбарцумян К. Р. Политика европейских держав на Южном Кавказе в 1918 – 1920 гг. / К. Р. Амбарцумян // Большой Кавказа – Россия – Европа: пространство диалога и сотрудничества: материалы международной научной конференции (Ставрополь-Пятигорск, 11-12 октября 2019). – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2019. – С.156 – 165.

5. Амбарцумян К. Р. Нарратив иностранных авторов как источник для изучения международной ситуации на Кавказе (1918–1920 гг.) / К. Р. Амбарцумян // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – С.268 – 270.

6. Ambartsumyan K. R. Influence of the Events of February 1917 on Ideas of Local Communities about the State System of Caucasus People / K. R. Ambartsumyan // Szávai 60! A közép-európai közlemények dupla tematikus száma a 60 éves Szávai Ferenc tiszteletére. – 2020. – július 5. - (no. 48-49). – P.519 – 527.